

“ЭЛИТНЫЕ” ВАРИАНТЫ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С.Л. Попов

“ЕЛІТНІ” ВАРІАНТИ НОРМИ В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

У статті – на тлі тих варіантів диспозитивних норм, які мають семантичні або стилістичні відмінності, із застосуванням основних положень теорії аргументації – розглядається невивчений аспект варіантності мовної норми: “елітність” одних варіантів як наслідок емпірично слабкої верифікованості аргументів на користь вживання інших варіантів, яка зумовлює непереконливість їх стилістичної характеристики.

Ключові слова: імперативні та диспозитивні мовні норми, варіантність, семантичні та стилістичні відмінності, аргументація, емпірична верифікація.

С.Л. Попов

“ЭЛИТНЫЕ” ВАРИАНТЫ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье – на фоне имеющих семантические или стилистические различия вариантов диспозитивных норм, с применением основных положений теории аргументации – рассматривается неизученный аспект вариантности языковой нормы: “элитность” одних вариантов как следствие эмпирически слабой верифицируемости аргументов в пользу употребления других вариантов, обуславливающей неубедительность их стилистической характеристики.

Ключевые слова: императивные и диспозитивные языковые нормы, вариантность, семантические и стилистические различия, аргументация, эмпирическая верификация.

S.L. Popov

“ELITE” VARIANTS OF NORM IN MODERN RUSSIAN

IN THE ARTICLE – ON A BACKGROUND WITH SEMANTIC OR STYLISTIC DIFFERENCES of the options of dispositional standards, using the basic points of the theory of argumentation – is considered unexplored aspect of the variance of linguistic norm: “eliteness” of some variants as a consequence of the weak empirical verifiability of the arguments in favor of using other options causing a weakness of their stylistic characteristics.

Keywords: imperative and dispositional language norms, variance, semantic and stylistic differences, argumentation, empirical verification.

Общеизвестно, что языковая норма как совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации [9, с. 337], делится на две группы: нормы императивные и нормы диспозитивные, которые противопоставляются по критерию признания соответственно отсутствия или наличия вариантности.

Нормы императивные – нередко без всяких на то аргументов – предписывают не признавать вариантность ни при каких обстоятельствах. Например: нет орфовариантов *жы* и *шы*, невзирая на то что звук [ы] здесь эмпирически, при восприятии на слух, ясен, – есть только безвариантные *жи* и *ши*; грубо неправильным является дательный падеж существительного в сочетаниях со значением окончания процесса типа *по окончанию* (*вуза устроился на работу*) – правильным здесь является лишь предложный падеж такого существительного: *по окончании* (*вуза устроился на работу*).

Нормы диспозитивные вариантность при-

знают. Такое признание обуславливается – эмпирически (зрительно и/или на слух) воспринимаемым, а потому бесспорным – общепринятым употреблением обоих вариантов. При этом для констатации диспозитивности нормы неважно, имеют право на существование оба ее варианта или (по неким соображениям) такое право имеет только один, – важно лишь то, что оба объективно существуют.

Сами понятия “аргументы” и “эмпирическая бесспорность сосуществования вариантов”, несомненно, свидетельствуют о возможности применения к языку положений бурно развивающейся в последние десятилетия теории аргументации, которая “исследует многообразные способы убеждения аудитории с помощью в первую очередь речевого воздействия” [5, с. 5]. Основными понятиями данной теории являются убеждение, а также аргументы, с помощью которых это убеждение осуществляется [там же].

Если о теории аргументации говорить с позиций лингвистики, то эта теория изучает способы убеждения говорящим адресата (адресатов) –

в этих случаях можно говорить о внешней убедительности аргументов. В то же время корректно, на наш взгляд, ставить вопрос о применении теории аргументации и к внутренней убежденности говорящего – в отношении самого себя аргументы должны использоваться предположительно те же, что и при убеждении адресатов. Среди всех возможных универсальных аргументов наиболее убедительным считается прямое эмпирическое подтверждение, или прямая эмпирическая верификация [там же, с. 22].

Как было сказано выше, в сфере вариантов языковых норм эмпирическая верификация – зрительная и/или на слух – подтверждает прежде всего само существование таких вариантов. Однако при их различении носителей языка убеждают аргументы специфически языковые, но тоже эмпирически вполне верифицируемые: в первую очередь – семантические и стилистические.

Лингвисты стремятся обнаружить семантические или стилистические условия употребления вариантов, чтобы затем аргументировать соответствующие таким условиям различия между самими вариантами. Так, Л.П. Катлинская, не ограничиваясь констатацией эмпирически очевидного роста частотности употребления за последние десятилетия словообразовательного варианта *туристический* на фоне уменьшения частотности употребления варианта *туристский*, не менее эмпирически аргументированно показывает, что указанный рост объясняется актуализацией понятия организованного (“фирменного”, то есть не самостоятельного) *туризма*, с которым семантически соотносится *туристический*, и деактуализацией понятия самостоятельно путешествующего (например, по горам и лесам с рюкзаком за плечами) *туриста*, с которым семантически коррелирует *туристский*. Тем самым эмпирически бесспорно доказывается семантическое различие между названными прилагательными: *туристический* соотносится с *туризмом*, а *туристский* – с *туристом* [3, с. 408-409]. Подобным образом можно эксплицировать различие между такими вариантами, как единственное или множественное число сказуемого в придаточном предложении с подлежащим – местоимением *кто*, относящимся в главном предложении к кванторному *все*: для *кто* актуально присущее ему имплицитно грамматическое значение единственного числа (ср. аномальность вопросительного предложения *Кто там пришел?* при двух и более пришедших и возможность в этом случае только *Кто там пришел?*), поэтому *кто* “предпочитает видеть” квантор *все* состоящим из синонимичных ему (в данном случае – в плане синонимии не абсолютной, а нейтрализующейся), имеющих форму единственного числа кванторов *каждый* [7], чем и объясняется почти стопроцентно подавляющее, эмпирически ве-

рифицируемое преобладание в узусе *все, кто пришел* над *все, кто пришли* [3, с. 40].

Имеется немало примеров и стилистических аргументов: *бухгалтеры* (нейтр.) – *бухгалтера* (разг.) [там же, с. 164], *просьба предоставить убежище* (нейтр.) – *просьба о предоставлении убежища* (офиц.) [там же, с. 84], *портняжничать* (нейтр.) – *портняжить* (разг.).

Если же семантические или стилистические аргументы не работают, лингвисты констатируют абсолютную синонимию вариантов, которая, как известно, не вечна: либо такие синонимы постепенно начинают различаться семантикой или стилистикой (тогда эти различия и являются объектом кодификации), либо один синоним стремится вытеснить другой, конкурирует с ним (в данном случае лингвисты пытаются прогнозировать исход этой борьбы – см., например, [12]). В то же время в узусе наблюдается также “сосуществование” промежуточных вариантов, обнаруживающих совсем не семантические и вряд ли имеющих стилистические различия, приписываемые им все чаще. Трудность определения этих различий обусловлена эмпирической малоубедительностью аргументов, дифференцирующих такие варианты.

Целью настоящей статьи является обоснование существования в языке ранее не описанных в свете теории аргументации “элитных” вариантов нормы как следствия двух наиболее низких степеней эмпирической верифицируемости аргументов, действующих при выборе таких вариантов.

Менее всего, как известно, семантические и стилистические различия наблюдаются на фонетическом уровне, ибо в фонетике звуки рассматриваются как минимальные асемантические и астилистические единицы языка. В орфоэпических словарях дифференциация помет основана на статистической по своей сути частотности употребления, эмпирически наиболее очевидной прежде всего для самих составителей. В случае колебаний при выборе фонетического варианта (например, как произнести: *конси[с’т’]енция*, *конси[ст’]енция* или *конси[стэ]нция*; *ти[n]те* или *ти[n’]те*) среднестатистический носитель языка может руководствоваться лишь данными орфоэпического словаря. С точки зрения теории аргументации, его убежденность основывается на неуниверсальном (эмпирически им почти не верифицируемом) аргументе к авторитету [5, с. 110-118], в данном случае – к авторитету составителей словаря.

Между тем семантические или стилистические различия проявляются и на фонетическом уровне, например в акцентологии: по данным словарей [6, с. 613; 4, с. 355], *феномен* является нормой и как научный термин, и применительно к человеку, а *феномен* “допускается” только применительно к человеку; в современном же узусе *феномен* по отношению к человеку не используется: к

человеку применяют только *феномен* (вероятнее всего, по акцентной и формальной аналогии с *джен-тельмен*, *супермен* и им подобными, а возможно, и по аналогии “ложносемантической”: финаль *-мен* в *феномен* может восприниматься как второй корень *мен* (англ. *man* – человек) в этих словах), то есть наблюдается логичная для подобных случаев лексикализация – различие по эмпирически верифицируемому, семантическому, признаку – вариантам *феномен* и *феномен*. Другой пример: в тех же [6, с. 217; 4, с. 139] варианты *компас* и *компас* различаются сферой употребления: *компас* – общепотребительный, *компас* – “у моряков”, то есть наблюдается тоже эмпирически очевидное, стилистическое, различие. Стилистические различия имеют также все производные варианты “старшей” и “младшей” норм. Таким образом, при выборе фонетического варианта убежденность носителя языка основана, как правило, на имеющей самую низкую степень верифицируемости аргументе *к авторитету* и – лишь иногда – на эмпирически верифицируемых *семантических* или *стилистических* аргументах.

Иногда – под давлением узуса – составители словарей фиксируют “допустимость” стилистически весьма сниженных вариантов, например *договор* наряду с нейтральным *договор*. При этом обнаруживается немалое количество носителей языка, весьма эмоционально против этого возражающих: “опускать норму (хоть в языке, хоть в морали) лишь потому, что “ТАК говорит (делает) большинство” – значит, идти навстречу Эллочке-людоедке” [9]. Их возражения основаны на простом и гордом противопоставлении вроде следующего: “Мы понимаем, что вы допускаете *договор* потому, что многие так говорят. Но мы – не из их числа, мы – другие: образованные и культурные”. Из такой логики следует важный вывод: было бы преувеличением считать вариант *договор* разговорным хотя бы потому, что среди носителей языка имеются эти “образованные и культурные” люди, которые никогда – даже при самом непринужденном (и с огромным желанием понравиться) общении с самыми неграмотными носителями языка – не употребят этот вариант, потому что для них “вариант” *договор* – просто неправильный, а следовательно – просторечие, то есть вовсе не вариант. Возможно, убежденность такой “элиты” в неправильности “варианта” *договор* поддерживается (пусть даже на уровне подсознания) влиянием ударения в производном прилагательном: “*договорный*... не рек. *договорной*” [6:129; 4: 88] (рекомендуемый вариант сохраняет ударение мотивирующего существительного *договор*). В таком случае указанное влияние можно рассматривать как эмпирически слабо верифицируемый грам-

матический (в данном случае – деривационный) аргумент в пользу правильности лишь употребления *договор*.

Подобный слабый грамматический аргумент – следующий по степени возрастания эмпирической верифицируемости после аргумента к авторитету – обнаруживается при выборе варианта на уровне грамматики (помимо аргументов семантических и стилистических). Специфика действия этого аргумента заключается в том, что с его помощью за одним из двух вариантов закрепляется признак “грамматической правильности”, в силу чего второй вариант становится грамматически неправильным, но исследователи, одновременно фиксируя его и неправильность, и общепотребительность, то есть действуя нелогично, присваивают ему разговорный статус.

Рассмотрим три примера.

1. Вариант *обуславливать*, а не *обуславливать* является грамматически верным только потому, что в корне глагола совершенного вида *обусловить* имеется ударное *о*, – следовательно, в корне глагола несовершенного вида это ударное *о* сохраняется [8, с. 166-167; 3, с. 264; 1, с. 218-219]. Грамматический аргумент к звуковому составу парного по виду глагола лишает прав вариант, отличающийся от другого лишь одним звуком, но отправляет ли тот же аргумент такое “грамматически бесправное” явление в сферу разговорной речи – вопрос не риторический. Разговорность вариантам типа *обуславливать* – под давлением узуса – присваивают исследователи-кодификаторы.

В то же время встречается немало носителей языка, рассуждающих примерно следующим образом: “Если я, в отличие от многих других, знаю грамматическое правило, почему я должен где бы то ни было его нарушать? Ведь даже в непринужденной обстановке мне совсем не хочется говорить *обуславливать* или *растамаживать*”.

2. Слово *кофе* – мужского рода, а не среднего потому, что с момента появления в русском языке оно было словом мужского рода: *кофей* или *кофий*. Такой грамматический аргумент можно квалифицировать как уважение к первоначальному роду этого слова. Тем не менее весьма распространенное употребление слова *кофе* в понятном (по аналогии со всеми существительными на *-е*) среднем роде вынуждает кодификаторов констатировать нормативность среднего рода слова *кофе* в разговорной речи [8, с. 93; 3, с. 104; 1, с. 102].

Волна протестов, не так давно прокатившаяся в прессе по поводу якобы изменившихся норм русского языка, в первую очередь обрушилась на средний род слова *кофе* (на самом деле разговорность среднего рода данного слова фиксируется словарями с гораздо более раннего периода, нежели время этой “волны протестов”).

Журналисты с укоризной напоминали читателям и лингвистам о первоначальном виде и, соответственно, роде этого слова и блистали познанием бережного отношения к традициям родных языков в других странах. Случались и более сильные – ироничные и даже стилистически сниженные – сравнения: “Я просто не понимаю, почему те, кому не по нраву “черное кофе”, не замечают того, насколько аргумент “Народ всегда прав” удобен для большинства в любой сфере. И коль уж создан “прецеНдент”, почему бы не узаконить публичное ковыряние в носу, матюки, вонючие лужи в подъездах – ведь очевидно, что этого вокруг очень много? Давайте отменим Коперника и запишем, что Солнце вращается вокруг Земли, – и это “очевидно”! Если у политиков в фаворе популизм и желание потрафить массе, то чем лингвистика и астрономия хуже?” [11]. Нет сомнений, что для “элитных” носителей языка средний род слова *кофе* не менее просторечен, чем образование от косвенно-падежных форм личных местоимений *его* и *ее* прилагательных *евонный*, *евоновый* и *ейный*.

3. Грамматически аргументируется употребление таких вариантов, как 2, 3, 4 *новые книги* (с существительными женского рода), но 2, 3, 4 *новых стола, окна* (с существительными мужского и среднего рода) [3, с. 40-41; 10, с. 201-202; 2, с. 382-383; 1, с. 259-261]. Безусловно, недостаточность эмпирической верификативности такой грамматической аргументации не может не беспокоить исследователей, поэтому они стремятся “любой ценой” зафиксировать более очевидные, по их мнению, но тоже не очень эмпирически убедительные грамматические условия различия таких вариантов. Так, Д.Э. Розенталь, критикуя своих (в решении этого вопроса) предшественников И.И. Давыдова и А.М. Пешковского, надуманно, по мнению Д.Э. Розенталя, предлагавших связывать употребление этих вариантов соответственно с категорией одушевленности/неодушевленности и качественности/количественности, предложил свое – акцентологическое – различие [8, с. 215-216], которое не было поддержано его последователями (видимо, тоже по причине умозрительности для них такого аргумента). В свою очередь, Ю.А. Бельчиков, признавая правильность именительного падежа прилагательного в конструкциях типа 2, 3, 4 *новые книги*, но не находя других грамматических аргументов, фиксирует стилистическое различие между рассматриваемыми сочетаниями, относя варианты типа 2, 3, 4 *новых* (вместо *новы́х*) *к разговорной речи* [1, с. 259-260]. Однако грамотные носители языка при выборе варианта падежа прилагательного в таких конструкциях продолжают руководствоваться грамматическим аргументом, который определяет здесь родительный падеж прилагательного при женском роде существительного как неправильный и кото-

рому разговорный статус такой неправильности просто противоречит.

Итак, и в случае аргументации к авторитету на фонетическом уровне, и во всех случаях грамматической аргументации один из вариантов признается правильным, а второй, словно от педагогической безысходности, нелогично объявляется разговорным. Грамотные носители языка, выделяющие себя из общей массы по признаку своей образованности, на которой, собственно, и основывается их не выраженное в научных терминах языковое чутье, интуитивно ощущают это логическое противоречие и потому воспринимают “варианты”, рекомендованные авторитетами в качестве разговорных, как просто неправильные, то есть не воспринимают в качестве вариантов.

Таким образом, для этой языковой “элиты” нормы, в которых один из вариантов нелогично характеризуется как “неправильный + разговорный”, логично являются не вариантными диспозитивными, а безвариантными императивными. Именно такие – эмпирически слабо верифицируемые аргументами к авторитетам или грамматике и потому актуальные лишь для грамотных, “элитных”, носителей языка – императивные нормы мы считаем метонимически корректным именовать “элитными”.

В дальнейшем представляется целесообразным более детальное изучение как степеней эмпирической верифицируемости аргументов в сфере вариантности, так и неточностей и преувеличений в сфере стилистических характеристик языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю.А. Бельчиков. – М.: АСТ--ПРЕСС КНИГА, 2008. – 424 с.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – 8-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
3. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – 2-е изд., испр. и доп. / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М.: Наука, 2001. – 557 с.
4. Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. – 3-е изд., стереотип. / Н.А. Еськова. – М.: Рус. яз., 2000. – 448 с.
5. Ивин А.А. Теория аргументации: Учеб. пособие / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2007. – 319 с.
6. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; Под ред. Р.И. Аванесова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 704 с.
7. Попов С.Л. Число сказуемого в вариан-

тах типа *все, кто работает – все, кто работают* и *те, кто работает – те, кто работают*: семантический аспект // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна / С.Л. Попов. – Харків, 2006. – № 727, серія “Філологія”, вип. 47. – С. 44-47.

8. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1977. – 316 с.

9. Семенюк Н.Н. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 337-338.10.

10. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие для студ. филол.и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г.Я. Солганик. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр “Академия”, 2010. – 304 с.-

11. Торпачев А. Ах, черное кофе – эмблема печали / А. Торпачев. – <http://www.region.mogilev.by/ru/node/7842>.

12. Хруцкая Н.В. Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект): Монография / Н.В. Хруцкая. – К., Освіта України, 2008. – 372 с.

УДК 81'1'42:811.161.1

Ю.М. Антоненко

ОСМЫСЛЕНИЕ МЕСТА НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ В СОВРЕМЕННОМ ЖАНРОВЕДЕНИИ

Антоненко Ю.М.

ОСМЫСЛЕНИЕ МЕСТА НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ В СОВРЕМЕННОМ ЖАНРОВЕДЕНИИ

В данной статье рассмотрены некоторые теоретические аспекты изучения понятия речевого жанра как одной из важнейших категорий коммуникации в русле интенсивно развивающегося лингвистического направления “жанроведения”. Целью статьи является определение места жанра научной рецензии в ряду текстов научной речи.

Ключевые слова: жанроведение, речевой жанр, научная рецензия, научная речь.

У даній статті розглянуті деякі теоретичні аспекти вивчення поняття мовленнєвого жанру як однієї з найважливіших категорій комунікації в руслі жанрознавства – лінгвістичного напрямку, що інтенсивно розвивається. Метою статті є визначення місця жанру наукової рецензії серед текстів наукового мовлення.

Ключові слова: жанрознавство, мовленнєвий жанр, наукова рецензія, наукове мовлення.

This paper is devoted to research of some theoretical aspects of speech genre as one of the major categories of communication in a course of genre studies – intensively developing linguistic direction. The aim of the article is to define the place of genre of scientific review among scientific speech texts.

Key words: genre studies, speech genre, scientific review, scientific speech.

Понятие жанра является одним из ключевых в филологической науке, его изучение ведет свое начало еще от Аристотеля. Но только во второй половине XX века, в связи со сменой научной парадигмы, стало возможным концептуальное переосмысление понятия “жанр” и рассмотрение связанных с ним лингвистических теорий в новом, прежде всего антропоцентрическом ракурсе.

Многочисленность исследований, посвященных данной проблематике, и их особая востребованность в современном научном сообществе привели к формированию отдельной лингвистической дисциплины, занимающейся жанрами речи: их

типологией, коммуникативно-функциональными особенностями, вопросами взаимодействия с другими коммуникативными единицами, в последнее время – их прагматическим и когнитивным анализом.

По словам Е.А.Селивановой, это “область языкознания, направленная на изучение закономерностей, составляющих, факторов коммуникативной деятельности, осуществляемой на базе естественного языка” (перевод автора – Ю.А.)¹. Данная дисциплина пока еще находится в процессе становления, о чем свидетельствует уже то, что исследователи дают ей различные названия в зависимости от избранного направления анализа и применяемых общих и частных методик. Наиболее